

Людмила ЕВСТИГНЕЕВА

Стратегические силы реформ

Наконец после долгих лет топтания на месте мы приступили к реформированию нашей экономики, к созданию рыночного хозяйства. Но при этом у многих экономистов вызывает серьезнейшую тревогу-вопрос о правильности выбора нашим правительством самой модели реформирования. Как известно, Е. Гайдар — приверженец неолиберальных методов стабилизации отечественной экономики. Но учитывают ли они наши реалии? Очень важно, как писал в начале 1991 г. один из министров правительства Б. Ельцина — Е. Гайдара В. Данилов-Данильян, полемизируя с М. Фридманом, определить не конечный пункт нашего движения — современную рыночную экономику, — а именно начальную точку пути к ней: «Ведь ясно, что множество возможных, допустимых, реализуемых шагов определяется не конечной, а начальной точкой»¹. В достаточной ли мере учтено это обстоятельство нашими реформаторами и к каким последствиям может привести недоучет конкретной ситуации? Об этом хотелось бы поразмышлять.

Экономика на старте реформ

Наша экономика с начала 80-х годов пребывает в кризисном режиме псевдозстенсивной экономики². Ее характеризуют: перенакопление, скрытые избыточные резервы труда, постоянное увеличение фондоемкости и капиталоемкости, утрата непрерывности процесса расширенного воспроизводства, рост доли незавершенного строительства, потеря стимулирующих функций заработной платы, снижение темпов роста, а затем и объемов производства. Явно проявилась тенденция к самораспаду экономики, с одной стороны, как следствие нарастающего бюджетного дефицита и отрыва денежного инвестирования от материального обеспечения, с другой — как результат неопределенности в воспроизводственном цикле, ведущей к разрыву денежных и натуральных оборотов на всех уровнях хозяйства.

Можно много рассуждать о причинах, способствовавших восприятию советским руководством рыночных идей и признанию им необходимости реформ. Отмечу лишь одну, на мой взгляд, существенную. Объективно

Д а н и л о в - Д а н и л ь я н В. Свобода без процветания. «Общественные пауки и современность», 1991, № 3, с. 23.

Менее точное, но более распространенное определение — затратная экономика.

Е в с т и г н е е в а Л. П. — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН. Специалист в области проблем экономического роста и переходной экономики.

потребность в капитализации экономики и построении вместо политизированной экономики рыночной сложилась у руководства под воздействием внутренних сил распада псевдоэкстенсивного типа расширенного воспроизводства. Именно наверху в связи со снижением эффективности инвестирования обнаружилось, что общественное производство на границе между экстенсивным и интенсивным развитием выявляет особую *инвестиционную сбалансированность* (если так можно назвать определенные пропорции, которые должны соблюдаться, чтобы инвестиции были эффективными). Такую сбалансированность может обеспечить только капитал, включенный в рыночные механизмы воспроизводства и осуществляющий циклическое движение.

К началу 80-х годов в народном хозяйстве спонтанно сложилась структура сырьевого и топливно-энергетического, инвестиционного и потребительского комплексов, представляющая его инвестиционную сбалансированность. Она сразу же стала работать в качестве основы инвестиционной инфляции. Распределение инвестиций осуществлялось пропорционально фондам, занятым в каждом из комплексов. Это несколько сдерживало инфляцию, эпицентром которой был инвестиционный комплекс. Однако одновременно действовал постоянный вектор экономических усилий, направляемых на номинальное выравнивание темпов роста инвестиций, общественного продукта и потребительских доходов. То есть инфляция служила как бы формой номинальной (и тем самым разрушительной — дефицитной и инфляционной) перестройки экстенсивной экономики в интенсивную. Чтобы такая перестройка была реальной, необходимы были капитализация экономики и переход к рынку.

Именно макроэкономическая потребность в капитализации экономики обуславливает необходимую глубину рыночной, трансформации, достигающую уровня первичной дополитизированной социально-экономической структуры общества. Денежные отношения сами по себе принадлежат к политизированной структуре общества и составляют *псевдорынок*³. Такова реальность.

Итак, структура, созидающая дефицитность, имеет макроэкономический характер. Поэтому все менее глубокие структуры превратились в механизм расширенного воспроизводства дефицитности. Так, на уровне хозяйственного звена и их множества сложилась определенная межотраслевая *производственная сбалансированность*, представленная межотраслевыми хозяйственными образованиями (именно их у нас принято называть межотраслевыми комплексами). С одной стороны, ее нельзя «сдвинуть с места» без рыночного перелива капитала, а с другой — рынок как сумма отраслей, без макроэкономического костяка, в рамках которого общественное производство приведено к циклическому расширенному воспроизводству капитала, не имеет достаточных жестких механизмов для удержания определенного типа расширенного воспроизводства и фондоемкости, и капиталоемкости. Парадоксально, но если в условиях рынка межотраслевые структуры среднего уровня (уровня хозяйственного звена и ВНП) являются необходимым, хотя и недостаточным механизмом равновесного и эффективного роста, то в псевдоэкстенсивной экономике этот уровень надежно поддерживает инвестиционный дефицит и инфляцию.

В процессе саморазрушения экономики возникает сильный разрыв между номинальным и реальным ростом доходов. Причем дело не только в том, что трудно изменить пропорции общественного производства и повернуть его в сторону потребления. Сам такой поворот, если не проведена рыночная реформа, наталкивается на устойчивость социальной сбалансированности.

³ В рамках псевдорынка первичными являются финансово-денежные обороты, а не товарно-денежные. Отсюда неизбежность либерализации цен в качестве механизма перехода от псевдо- к реальному рынку. Однако это не единственный механизм.

В той степени, в какой роль доходов как предпосылки производства обеспечивается инвестиционным бюджетным финансированием и кредитованием, нарастает разрыв номинальных и реальных доходов. Это ведет к полной потере стимулирующих функций дохода при росте его номинальной недичины⁴.

Итак, государственный бюджет оказался под ударом избыточную инвестиционного спроса, избыточного дотационного спроса и избыточного социального спроса. Распад экономики получил выражение в лавинном росте бюджетного дефицита на фоне общего товарного дефицита и инфляции.

Рыночное и политическое реформирование экономики

Системное видение материального старта реформы, которое мы пытались извлечь из анализа псевдоэкстенсивного типа расширенного воспроизводства, должно быть дополнено таким же системным пониманием ее социально-экономического старта.

В исторически исходной точке (реальный социализм) разделение рассмотренных структурных уровней выражало естественное деление единого системного объекта общенародной собственности: производительный потенциал в целом, произведенный совокупный общественный продукт, суммарный и определяемый сверху потребительский доход. Делению объекта было адекватно деление субъекта: общество, производственный коллектив, индивид. Эти структурные уровни сами по себе не способны сложить кругообороты национального капитала, ВВП и доходов и привести к развитию рыночной экономики.

Действовал ограничитель общенародной собственности: и системный объект с его частями, и субъектная структура органически вписывались и общественное производство как в действующую общественную кооперацию живого труда. Социально-экономические отношения в хозяйственной сфере сворачивались и технологизировались, а в социальной сфере — политизировались. Благодаря политизации как бы закреплялась монолитная коллективность, свойственная общественной кооперации живого труда. Классовая же природа этой коллективности фиксировалась политически — в утверждении государства диктатуры пролетариата. Сложившемуся у нас общественному строю, с одной стороны, было свойственно разделение массы трудящихся и правящей государственной партийной и хозяйственной номенклатуры, а с другой — особую социальную ценность получали люди массовых профессий материального общественного производства — ведущего компонента экономического базиса существования номенклатуры. В этом выражалась специфика общенародной собственности как субъектной формы (дающей социально-экономическую структуру) общественного производства.

Номенклатура заботится о поддержании рассмотренных выше структурных уровней как о своем собственном материальном базисе. Аналогично преобразование социальных уровней (индивид, производственный коллектив, общество) в компоненты вторичной структуры (потребитель, хозяйственное звено, Центр) служит способом подчинения общества его классовой организации и в конечном счете — номенклатуре. Включение в общественное материальное производство равносильно участию в гегемонии пролетариата. Одновременно таким способом отсекается от базисной социальной роли интеллигенция, да и все те, кто не включен в общественное производство.

Итак, *социальная функция гегемонии пролетариата состоит в поддержании гегемонии номенклатуры в социальной сфере точно так же.*

⁴Сейчас, видимо, производи но и каждом его точке ориентировано на повышено доходов, но от роста доходов перестали зависеть объем и эффективность, произвола па. Рост доходов в этой связи работает как механизм дополнительной инфляции спроса и множественного товарного дефицита, прежде всего па потребительском рынке

как полная погруженность государства в экономику и занятие ею служит поддержанию гегемонии номенклатуры в экономической сфере.

Центральный уровень экономики становится полюсом, вокруг которого складывается номенклатурная иерархия. Номенклатура выступает как социально-экономическая целостность — псевдокласс, а хозяйственная иерархия (центр—хозяйственное звено—потребитель) становится хозяйственной формой функционирования номенклатуры.

Нормальная экономика не может существовать без рынка. Политизированная экономика создает свои особенные рыночные отношения в границах вторичной, политизированной структуры. Централизованная плановая экономика опирается на денежные отношения, имеет финансы, бюджет, банки, в деньгах измеряет затраты, распределяет и продает продукцию по установленным ценам, финансирует инвестиции, заработную плату и другие доходы в рублях и т. д. Однако это — псевдорынок, где приоритет принадлежит не рыночным товарно-денежным отношениям, а отношениям денежно-бюджетным. Цены малоподвижны и регулируются в своей динамике бюджетным дефицитом. Посредническая предпринимательская деятельность отсутствует, спекуляция уголовно наказуема. Субъекты рынка — монополисты.

Можно говорить о специфических рыночных отношениях системы абсолютных монополистов. Они складываются из двух увязанных наверху оборотов — натурального и денежного. Отсюда возникают примат госбюджета и запрещение капитализации основных производственных фондов. Материальный базис приспособлен к расширенному воспроизводству вторичной, политизированной социально-экономической структуры. Его характеризует примат материального общественного производства, в котором важнейшую роль играет промышленность, а в ней — военно-промышленный комплекс. Это обуславливает линейность общественного производства ВВП и отторгает попытку перехода к рыночной экономике, которой присуща циклическая форма развития.

В связи со сказанным очевидно, что *переход к рыночной экономике является разрушением политизированной экономики и ее псевдорыночных отношений, включая трансформацию материального базиса и субъектной структуры народного хозяйства.* В то же время такой переход имеет свою внутреннюю опору. Во-первых, в материальном плане существенно то, что спонтанно, в силу устойчивости номенклатурной иерархии (центр—хозяйственное звено—индивид), складываются адекватные воспроизводственным пропорциям сбалансированные хозяйственные целостности, или структурные уровни: инвестиционный макроуровень; производственно-балансовый уровень; потребительский уровень. Во-вторых, в социально-экономическом аспекте возникает потребность выхода за рамки губительной для общества вторичной политизированной структуры. Общество приходит к осознанию своего единства как трехчленства (общество—коллектив—индивид) в качестве естественной в условиях рыночной экономики социально-экономической структуры. Такая структура способна создать иерархическую общественную кооперацию капиталов и иерархическую же (но при этом демократическую) систему акционерных собственников на капитал.

Переход к рынку *требует активизации усилий населения на уровне первичной социально-экономической структуры общества, а не вторичной.* В этом случае смыкаются социальная база политической демократизации и социальная база рыночного реформирования. А сама рыночная экономика получает импульс к построению ее высшего, постиндустриального типа, для которого характерно выравнивание темпов роста объемов производства, эффективности и благосостояния. Этим же объясняется и необходимый алгоритм реформы, в котором, во-первых, выявляется единство построения

рынка, приватизации и капитализации экономики — это общее социальное движение. Во-вторых, алгоритм задается движением от простого к сложному:

— создание первичного примитивного рынка, коммерциализация и образование денежного капитала (денежных сбережений, готовых к инвестированию в производство), рыночное балансирование в пределах потребительского спроса на фоне инфляционной шоковой терапии;

— массовая приватизация в основном на основе акционирования и использования в качестве механизма приватизации уже существующих рыночных структур — бирж, банков, создания сильного денежного рынка и банковской системы, а главное, разворачивания рынков капитала;

— укрепление рубля и финансово-денежное балансирование с помощью дефляционной шоковой терапии;

— окончательная приватизация, в том числе крупной собственности, с помощью специально созданной системы банков, способных объединить кругооборот и оборот национального капитала и держать его в рамках циклического регулирования исходя из наиболее эффективного, предельного периода кругооборота, вычленение стратегического костяка экономики (ее твердых ядер) на базе крупной акционерной собственности и талантливых, надежных (с точки зрения требований рыночной стратегии) собственников, балансирование рынков и создание материальных и институционных предпосылок к сочетанию достаточно высокой динамики роста капитала, продукта и дохода с его равномерностью.

Пригодна ли монетарная модель?

Итак, кризис охватывает все аспекты собственности государства и поэтому разрывает все системные связи функционирования общественного производства на принципах плановой централизованной экономики. Тем самым он приводит к необходимости глубинной социально-экономической реформы. Реформу с точки зрения эволюции собственности нельзя свести к созданию и затем увеличению слоя предпринимателей. Ее содержание должно быть более основательным — *создание системы собственников и системы крупных, средних и мелких капиталов на базе примата частной собственности и капитализации экономики.*

Модель же реформы, принятая российским правительством, исходит из следующего деления общества: предприниматели и остальное население, которому отводится пассивная функция терпеливого потребителя. Эта модель толкает нас на выращивание государством предпринимателя на основе как малой и средней приватизации, так и интенсификации коммерческой деятельности государственных предприятий. Причем ставка делается на рыночную активность директорского корпуса. Социальная активность трудящихся толкуется как помеха реформе, которую (помеху) нужно устранить или минимизировать с помощью программ социальной защиты, долевого участия трудящихся в распределении акций предприятий и т. п.

Вместе с тем исходная, стартовая социально-экономическая структура реального социализма носит системный характер, т. е. каждый из ее субъектов потенциально активен вследствие самого факта принадлежности к системе. Реформа приводит социально-экономическую структуру в движение и обуславливает необходимость массового характера рыночной перестройки. Интересно здесь то, что социально-экономическая активность реального социализма проявляется только в экстремальной ситуации. В «покое» социально-экономическая структура действует в форме политизированной экономики, в которой господствует номенклатура. Зная об этом, мы все же не отдаем себе отчета в том, что, оставляя трудящихся пассивными,

как бы вносим в программу реформы *внутреннюю тенденцию к реставрации*: рыночная перестройка оказывается в руках номенклатуры и сводится к номенклатурной приватизации.

Пассивность или активность трудящихся целиком зависят от того, включен ли в алгоритм реформы парадокс, согласно которому государство, будучи субъектом реформы, должно дистанцироваться в ее процессе от экономики. Пока получается прямо противоположное: государство создает не рыночную экономику вообще, а *рыночную экономику государства*. Рынок, его денежные обороты должны замыкаться на себя, а не на государственный бюджет. Стабилизация бюджета не может быть такой целью, которая покрывает главные проблемы создания рыночной экономики. Если же во главу угла поставлена стабилизация действующей финансово-денежной системы во главе с бюджетом, государство не меняет своего отношения к экономике — не дистанцируется. Реформа не должна проводиться таким образом, чтобы государство, выходя из экономики в одну дверь (например заменяя примат бюджетно-денежной системы приматом банковской), возвращалось в другую (например как приватизатор, который проводит приватизацию административно, т. е. вне рынка, вне опоры на рыночные структуры и механизмы).

Двойственное положение государства проявляется не только в области соотношения рынка и бюджета, но и в сфере товарного территориального рынка, который должен создаваться в процессе коммерциализации массовым хозяйственным творчеством трудящихся. Государство же сегодня ставит трудящихся в пассивную позицию, подменяет массовое экономическое творчество администрированием. А из этого вытекает *отсутствие социально-экономического базиса реформы*.

Антиноменклатурная направленность социально-политической активности трудящихся очевидна, как очевидна и необходимость массовой поддержки трудящихся для построения демократического правового государства. Понимание того, что рыночное реформирование должно опираться на те же самые общественные силы, хотя и в экономической форме, пока не достигнуто. Президент России и его правительство пытаются найти поддержку у политических партий, игнорируя необходимость механизмов непосредственного вовлечения трудящихся в экономическое рыночное действие. В результате экономическое реформирование не получает характера массовой поддержки. Создается пропасть между социально-экономическим базисом политической демократизации, где авангардную роль играют трудящиеся, и социально-экономическим основанием экономической реформы, где приоритет отдается предпринимателям, которые, кстати, малочисленны и не могут, хотя бы в силу своей малочисленности, стать во главе рыночных преобразований как массового движения.

В той степени, в какой массовость рыночных преобразований означает рыночную трансформацию первичной социально-экономической структуры реального социализма, возможны изменение массового общественного сознания и идеологический сдвиг от коммунистических принципов социального равенства к идеям экономической свободы. Идеология реформы — существенно важная вещь. Нужна поднимающая общая идея, без которой массовое экономическое движение не имеет внутренних гарантий надежности. *Рыночная экономика должна получить адекватное выражение на уровне общественного самосознания, дающее толчок массовой экономической активности*.

Здесь мы затрагиваем пласт социально-экономического кризиса как явления цивилизации, так как массовая идея экономической свободы должна выходить за рамки ограниченного предпринимательского сознания. Как таковая она несет в себе всеобщность, связанную с разрешением противоречий гуманизма и с преодолением его кризиса. Экономическая свобода

как всеобщая гуманистическая идея предполагает субъектность, или активность, и каждого человека, и всего общества. Каждый из них становится внутренней целью для другого. Для человека из этого проистекает необходимость ответственности и перед собой, и перед обществом. Экономические отношения не могут нормально развиваться в отрыве от этических начал⁵. Общество, рассматривающее человека в качестве внутренней цели, обуславливает необходимость социализации и гуманизации экономики и политики, т. е. тех механизмов, благодаря которым оно реализует себя как целостность.

Это особая проблема, требующая специального рассмотрения. Но важно отметить недопустимость ситуации, при которой человек объявляется внутренней целью общества, но активно, субъектно ведет себя лишь общество, представленное в структурах своей целостности (сегодня это государство, активно проводящее реформы). Человек же пассивен и остается объектом воздействия общества (государства). Практическая формула такой ситуации — население должно терпеть лишения и доверять правительству. Неконструктивность такого подхода очевидна. Важно создать условия для проявления массовой экономической активности, благодаря которой качественное изменение общественного строя становится общим делом и итогом массового общественного движения. В практическом аспекте сказанное означает необходимость осуществления первого шага реформы как этапа создания предпосылок массового движения к рынку, а затем развитие внутренних тенденций этого этапа. Речь идет, естественно, о коммерциализации.

Сказанное можно использовать в качестве критерия оценки принятого правительством движения рыночной реформы от простого рынка (потребительского) к приватизации и системе рынков и затем к полной приватизации на основе акционирования. Задачей первого этапа объявлялась финансовая и денежная стабилизация, второго — стимулирование производства и внешнеэкономических отношений, третьего — выход на рубеж современного цивилизованного рынка. Соответственно "этим этапам функции государства могут быть описаны как последовательность «дефляционный шок - инфляционный шок (или, скорее всего, регулируемая инфляция) - рыночное равновесие и социальное регулирование рынка».

С моей точки зрения, такая схема, хотя она и используется реформаторами всех стран Восточной Европы, неправильна. Прежде всего не выдерживает критики первый этап. Его ошибки вызвали к жизни социальное недовольство и возрождение, пока частичное, авторитета коммунистической идеологии. С ошибками же связаны невероятно медленное образование рынка, пробуксовывание аграрной реформы и почти повсеместное падение уровня производства.

Что значит создание рынка на принципах либерализации цен и жесткой финансово-денежной политики? Это, на мой взгляд, эксперимент по формированию образцово-показательного рынка в рамках номенклатурной экономики; на деле — приспособление форм управления к номенклатуре, продвинувшейся к трансформации в полурыночные структуры, децентрализация расширенного воспроизводства доходов. Централизованный государственный бюджет расплзается по множеству номенклатурных карманов. В результате возникает стихийная тенденция к ориентации народного хозяйства на разрушение воспроизводства (и воспроизводственного накопления, и возмещения) и на образование частных номенклатурных денежных доходов, подлежащих долларизации.

⁵ См., например, Макашова Н. Этика и экономическая теория. «Общественные науки и современность», 1992, № 3, с. 12—26.

Принципы реформирования

Наши предприятия подошли к реформе с огромным количеством лишних и устаревших фондов, с перенасыщением трудовыми ресурсами. Погружение в рынок на основе приватизации ведет к сбрасыванию излишков и к образованию безработицы. Ведь рынок в условиях дефицита и инфляции не даст стимула к росту производства. Напротив, начнется депрессия, связанная с недостатком хозяйственных, тем более рыночных, связей для вовлечения вдруг выросшего числа экономических валентностей. Нужен первичный рынок, который дает резкое приращение хозяйственных рыночных связей (на единицу занятых).

Это достигается коммерциализацией, агентом которой выступают не только заводууправления, но и вся общественность. Ее основой является каждое предприятие — хозяйственное звено как открытая (рынку) товарная система, в которой право выхода на рынок имеют все его внутренние подразделения (старые и новые). Причем речь идет обо всех отраслях народного хозяйства.

Нужно стремиться создавать рынки повсюду, рыночные структуры для всего (услуги, торговля, посредничество, строительство всех видов, специальные банки и биржи по обслуживанию мелкого бизнеса, произрастающего в ауре крупных предприятий, и т. д. и т. п.), всячески поощрять деловую активность, развитие бизнеса. В то же время, способствуя созданию рынка, государство должно дистанцироваться от него, используя рыночные структуры для, казалось бы, административных операций — оформления документов приватизации и акционирования, статуса юридического лица, аренды и т. д., даже для найма и поднайма рабочей силы и т. п.

Рыночный ренессанс на почве массовой коммерциализации был бы способен активизировать производство, повысить уровень потребления и наполнить потребительский рынок. Тем самым и материально, и социально был бы подготовлен второй этап реформы. Это этап развития рыночных механизмов инвестирования и создания обширного рыночного инвестиционного поля на базе массовой приватизации в форме акционирования.

Когда я говорю о массовой приватизации, то не имею в виду «обвальную» и, по сути, насильственной приватизации по рецепту Л. Пияшевой. Массовое акционирование — не только социальный феномен, хотя это его качество стоит на первом месте и подготавливается массовой коммерциализацией и созданием в ее рамках множества потенциальных, не получивших своего полного и адекватного оформления капиталов. Массовое акционирование и приватизация, в связи со сказанным, имеют объективный смысл систематизации рынков, установления налаженных и единых денежных оборотов — инвестиционно-денежных, товарно-денежных и т. п. На этом этапе складывается примат денежного рынка и делается возможным и необходимым использование элементов дефляционной шоковой терапии или даже этой модели в полном объеме.

Главная задача второго этапа состоит в организации рыночной кооперации капиталов (и рынков), обеспечивающей надежность, сомкнутость рыночных ресурсов и механизмов расширенного воспроизводства на всех уровнях и во всех сферах народного хозяйства. Именно здесь важную роль играет активизация внешнего аспекта экономики, тогда как на первом этапе главным было создание внутреннего первичного рынка. Именно на этом этапе становится возможной и необходимой финансово-денежная стабилизация.

Наконец, необходим третий этап полной приватизации и капитализации практически всей государственной собственности. На этом этапе общество должно сформировать свой общественный капитал как единственную и универсальную форму производительного потенциала страны. Для решения

проблемы подключения крупной собственности в систему рыночных оборотов акций нужна дополнительная реформа банков. Они должны быть способными к регулированию кругооборотов и оборотов капиталов как единого кругооборота всего общественного (национального) капитала исходя из циклических параметров, вытекающих из предельного (наиболее эффективного) периода расширенного воспроизводства капитала.

Совершенно очевидно, что здесь выходят на поверхность и захватывают внимание общества стратегические пласты рынка, обуславливающие как эффективность, так и равномерность экономического роста и повышение благосостояния. И в той мере, в какой материальным базисом рыночной экономики на этом этапе являются динамические (вовлеченные в рыночные кругообороты и обороты) и сбалансированные в динамике капитальные, товарные и денежные ресурсы экономического роста, целью третьего этапа реформы должно стать институционное оформление экономики, позволяющее четко отделить стратегический костяк народного хозяйства в виде крупных акционерных капиталов от рынка в целом и закрепить лидерство крупных капиталов как основы общего циклического регулирования рынка.

Последнее жестко ставит проблему качества субъекта (собственника) и субъектной структуры экономики. Должна быть сформирована с помощью государства в союзе с предпринимательской общественностью и финансово-денежной системой экономическая элита — держатель крупной акционерной собственности (устойчивых ядер экономики, в том числе крупнейших акционерных банков). Потребуется не только продолжение процесса акционирования (через посредство совокупности крупных банков капитала), но и коррекция приватизации: выкуп государством созданной на первых этапах частной собственности и ее перепродажа. В итоге экономика должна получить двух лидеров — капитал и государство, последнее — в роли социального субъекта, целью которого является социализация и гуманизация рынка. Только на этом этапе можно ожидать победы общества над номенклатурой, которая все время будет делать попытки восстать из пепла.

Пока же можно сказать, что первый раунд реформирования (коммерциализация) дал победу номенклатуре. Все социальные и экономические процессы идут под ее присмотром: реформирование не углублено в первичную социально-экономическую структуру, а лежит на уровне вторичной политизированной структуры. Причем надо помнить, что номенклатурная рыночная экономика в принципе очень консервативна. Ее направленность на извлечение частных доходов и их долларизацию разрушительна для экономики, и эта разрушительность многократно возрастает при любой крупной структурной перестройке, затрагивающей внутренние иерархические номенклатурные интересы. Номенклатурный путь — путь бедного общества и постоянного обнищания трудящихся.

Если государство не сделает полшага назад и не подключит через коммерциализацию массы трудящихся к осуществлению реформы, оно самое реформу обрекает на внеэкономическое, собственно политическое движение, абсолютно зависимое от внешней гуманитарной помощи. Это слишком большой социальный риск.